

Григорий Померанц

Праздничные размышления

Когда монголы брали крепости, окруженные рвами, они сгоняли местное население и заполняли рвы трупами. Так воевал и Сталин. Только ямы и целые пропасти создавал он сам, своими решениями, а заполнял пропасти телами собственных крестьян, слуг и солдат.

Режим, созданный Сталиным, не пропускал сигналы об ошибках, о необходимости во-время повернуть. Решение о повороте мог принять только сам деспот, а он, как правило, опаздывал (как с поворотом к единому фронту – уже после прихода Гитлера к власти). Руль поворачивался только тогда, когда все сползло в пропасть. Но этот же режим позволял заваливать пропасти трупами, уничтожать целые слои, в которых жило сопротивление. Так неудача хлебозаготовок привела к идее вовсе ликвидировать свободное крестьянство, часть раскулачить, а остальных загнать в колхозное рабство. Несколько миллионов людей погибло, но режим выдержал.

На XVII съезде кулуары гудели от возмущенных голосов. Делегаты говорили о массовой смертности, о разорении деревни. Об этом мне рассказывала Ольга Григорьевна Шатуновская, в 1934 г. делегат съезда с гостевым мандатом. Но выступить против Сталина с трибуны никто не решался. Только при тайном голосовании фамилию Сталина вычеркнули в 292 бюллетенях. Но никто этого не узнал до расследования, проведенного Ольгой Григорьевной Шатуновской от имени Комиссии Шверника, созданной после XX съезда для расследования убийства Крова. И инерция культа Сталина была так велика, что документы следственного дела были уничтожены или подменены и до сих пор факты исправляются. Уцелели только рассказы Шатуновской своим детям, друзьям, мне лично. И я свидетельствую, что эта женщина заслуживает доверия. Она строго различала факты и предположения. Ей очень хотелось доказать, что Сталин был связан с царской охранкой, но она беспощадно анализировала все, что предлагалось как документ, и с сожалением

признавала, что документальных подтверждений нет. Факты же, установленные следствием, когда еще живы были свидетели, она помнила твердо и никогда не путала. Ее рассказы мне в разное время, ее рассказы разным людям твердо совпадали друг с другом, без сдвигов, вызванных фантазией. Кроме того, некоторые концы М.А.Суслову и его помощникам не удалось спрятать в воду. И вместе с рассказами Шатуновской они составляют твердую базу для понимания нашей истории.

Ответом Сталина на голосование 292 делегатов XVII съезда был большой террор. Но как объяснить размах Большого террора? До какой степени это была политика государственного деятеля, а до какой — действия параноика? Я внутренне убежден, что параноидность личности Сталина нельзя отбросить, но логика в его действиях была и он убедил в своей правоте ближайших соучастников своих преступлений. Молотов впоследствии назвал Большой террор ликвидацией пятой колонны. «Пятой колонной» оказался чуть ли не весь народ, и прежде всего партийное, хозяйственное, военное руководство.

Сталин принял решение ликвидировать все слои, сохранявшие способность критически оценивать его политику, примерно как было уничтожено кулачество. Большой террор был ликвидацией критической мысли сверху донизу. В атмосфере всеобщего страха родился трепет обожания Большого брата (как назвал это впоследствии Оруэлл).

Операция была очень опасной. Впрочем, и ликвидация свободного крестьянства связана была с риском. С одной стороны, она дала массу работников, брошенных на стройки пятилеток, на создание военных заводов. С другой, она сказалась в массовой сдаче в плен. Большой террор еще больше обострил опасность военного разгрома. Начиная войну, Гитлер рассчитывал в два месяца покончить с Красной армией, оставшейся без генералов. И если Гитлер ошибся, это не было заслугой Сталина. Пропасть, созданную Сталиным, завалили мы — своими телами. Я прямой свидетель, как это было, как почти необученные солдаты во главе с неопытными офицерами учились воевать.

Осложнения, вызванные одним из осколков, до сих пор напоминают мне об этом.

Можно еще прибавить, что сам приход Гитлера к власти подготовлен был сталинской политикой раскола рабочего движения. Троцкий ясно видел опасность гитлеризма и неоднократно предупреждал о ней, а сталинский клевет Тельман критиковал тех немецких коммунистов, которые «из-за нацистских деревьев не видят социал–демократического леса»¹. Сталин был неспособен признать правоту Троцкого и отомстил Троцкому за свою ошибку, приписав Троцкому свое пособничество Гитлеру и заказав убийство Троцкого.

Наконец, Сталин упорно не верил сигналам о готовности немцев начать войну и расстреливал тех, кто пытался предупредить катастрофу. Но режим Сталина все это выдержал. Сталин завалил пропасть, в которую вылилась его власть, трупами советских людей, а свою власть сохранил и укрепил.

Выдержал режим и решение Сталина наступать весной 1942 года, не учитывая господства немцев в воздухе. Он, можно сказать, сам открыл вермахту дорогу к Волге и на Кавказ. И опять пропасть была завалена трупами. История запомнит указание секретарю Сталинградского обкома – не проводить эвакуацию населения: «армия не защищает пустых городов». Эвакуировали только семьи начальства, прочих – оставили, чтобы страдания и гибель людей будили ярость в солдатах.

Наконец, когда наспех собранные ополчения, за полторы–два года войны, научились воевать, Сталин сам себя произвел в маршалы и генералиссимусы и присвоил себе честь победы. С тех пор имя Сталина слиплось с победой, достигнутой напряжением всех сил народа и взрывами боевой удали.

Невозможно точно установить, где кончается власть идеи, оправдывающей любые средства, и где за ней прячется упоение властью ради власти. Во всяком случае, фигура О`Брайена в романе «1984 год» явно срисована со Сталина: «не насилие для революции, а революция для насилия»;

¹ Подробнее см. в книге Л.Люкса, изданной и на русском языке.

о образ, который О`Брайен находит, очень точен: «сапог, наступающий на человеческое лицо».

Но это – только один из ликов Сталина; в лагере мы находили его черты в Великом инквизиторе Достоевского. У Сталина было много ликов и личин, и миллионы людей до сих пор видят только ту личину, которая им нравится. Они готовы признать, что Сталин был тираном, но упиваются образом Сталина – победителя, Сталина – создателя империи. А факты, которые разрушают этот образ, вычеркиваются из истории. Что бы я ни говорил, мне не поверят люди, для которых имперские завоевания – золото народной славы. Увы, это золото дьявола, которое на рассвете превращается в гнилые листья.

Режим Сталина требовал повторяющихся волн террора. Но сами ближайшие сотрудники Сталина не выдержали. Они устали от всеобщего страха и сразу после смерти Сталина попытались изменить курс. Им не хотелось разделить судьбу Вознесенского, из ЦК брошенного в застенки и под расстрел. Хотелось спокойной жизни для себя и умеренной запуганности рядового советского человека. Но без страха для всех, сверху донизу, режим начал гнить и в конце концов – рушиться. И прежде всего империя начала трещать с окраин. Непокорные, не сломленные народы Восточной Европы сыграли роль троянских коней. Г.П.Федотов понял это еще в 40-е годы, беседуя с лидерами второй эмиграции, я это понял в лагере, таким же способом: приглядываясь к поведению прибалтийцев и западных украинцев. Захватив Западную Украину, мы потеряли всю Украину. Такова внутренняя логика распада империй, вышедшей за свои исторические рамки.

Впрочем, для многих участников войны, для думских патриотов это слишком сложно. Им нужен Сталин–победитель, им не нужен Сталин, шедший к власти через ряд тайных убийств соперников (и соратников, способных стать соперниками). Им не нужен Сталин, заморивший голодом Украину, Кубань, Казахстан. Им не нужна правда об убийстве Кирова. У этих людей есть свои авторы. А я пишу для тех, кто не льстится на золото дьявола. Я хочу научить их воле к правде и неподатливости к лести.